

Глава гильдии кузнецов филиала Дагенхардта отказался говорить о том, чтобы отдать дистиллированное спиртное из Расвельского пограничного дядюшки.

Затем мы поговорили о том, как сломали ворота с Дагенхардтом и оставили гильдию кузнецов позади.

Когда он возвращался домой, Беатрис, сопровождавшая его, окликнула.

"Что ты собираешься делать?"

Похоже, он беспокоится, что просьба дяди Пограничника не сработала в отношении награды для гномов".

"О, мне нужно пока что-нибудь придумать. Кажется, я знаю, о чем буду говорить сегодня. О чем думают гномы".

Я начинал понимать, о чем думает гномий кузнец.

Они просто ремесленники. Этого достаточно, чтобы думать, что мы тоже можем рисковать жизнью за свою работу. И они абсолютно свободны, вне таких несовершенств, как государство и власть.

Например, представьте себе, чего они хотят.

(Глотайте спиртное, не напрягая плечи. Это был бы лучший способ. Лучше всего, например, грубый банкет. где потом и с каким вкусом их удовлетворить.....)

Вернитесь в замок Веллберн и доложите отцам, что они не смогли договориться о награде гильдии кузнецов.

Мой отец, похоже, не думал, что гномы откажутся от дистиллированного спиртного, и не смог скрыть своего удивления. Кроме того, я слышал, что он разрушил ворота замка для семьи Локхарт, и мой отец, похоже, очень хочет вернуть должок.

"Ты сломал кость для нашей семьи Локхарт. Что бы ни потребовалось, чтобы отплатить за это... Зак, неужели нет никакой хорошей мудрости?"

Я мелко кивнул и сказал: "В кои-то веки я задумался".

"Я хочу кое-что спросить у Его Превосходительства губернатора. Конечно, отец, и брат, мне нужно, чтобы вы сняли кожу".

Мой брат Родрик удивился не только словам отца, но и тому, что в моих словах прозвучало его имя, и прислушался.

"Мне тоже? Нет, конечно, я тоже хочу поблагодарить тебя, но не думаю, что смогу что-то сделать гномским кузнецам?"

Мой отец, похоже, думает так же, наклонив шею.

То, что думаю я, очень просто.

Все, что вам нужно сделать, это пригласить гномов на званый ужин, который устраивает семья

Локхарт. Конечно, банкет будет грубым, потому что я жесток, когда дело касается вечеринок, но главное, чтобы на нем присутствовали все члены семьи Локхарт и невеста моего брата, мисс Розалинда.

Объяснив отцам суть дела, я отправился в кабинет барона Олдхэма.

И я поговорил с ним о том, как мы можем устроить, как я думал, банкет.

"... Понятно. Поговорите с вашей гостиницей. У нас есть хорошее место... Прежде чем мы это сделаем, я хотел бы попросить сэра Захариаса об услуге".

Когда я наклонил шею, барон сменил атмосферу с той, когда мы говорили о банкете, и одарил меня серьезным взглядом.

"Вообще-то, я не слышал, чтобы капитан Гленфел взял на себя ответственность. Когда я сам умру..."

В результате обсуждения рыцарей было решено, что "СС" Четвертого батальона Первых рыцарей, и рассказ был передан капитану Четвертого батальона Юстасу Гленфелю.

Но как ни беспокоился дядя Пограничного, Гленфель утверждал, что это упущение должно быть компенсировано его собственной смертью, и не согласился занять должность капитана "СС".

Его непосредственный начальник, капитан первого рыцарского полка Манфред Брейсфорд, заявил, что сочувствует ему, и пожаловался дяде Бордерлайну на признание в членовредительстве.

Дядя Бордерлайн затруднился с ответом и посоветовался с бароном.

Вместе с бароном я направился в комнату дяди Бордерлайна. В кабинете меня ждали дядя Бордерлайн и рыцари Брейсфорда.

У дяди Бордерлайна был слегка озадаченный вид.

"Гленфел все еще неубедителен. Нельзя заставить жить людей, которые хотят умереть... ничего не поделаешь".

Дядя Бордерлайн не кажется достаточно сильным, чтобы сказать Гленфелю, что он хочет умереть чистым рыцарем.

Дядя Бордерлайн попросил меня, создателя, убедить Гленфела.

Честно говоря, я ожидал, что это произойдет, поэтому я думаю о контрмерах.

Конечно, у меня нет родственников для этого, но на этот раз мне пришла в голову другая мысль, и я решил внять просьбе дяди Бордерлайна.

"Интересно, можно ли убедить капитана Гленфела?".

На мои слова дядя Бордерлайн ответил: "Точно!" и замер от восторга.

"При соблюдении, однако, условий"

"Условиям?"

"Все остается за мной, при условии, что любая ответственность в этом вопросе лежит на мне. Мой брат Родрик, разумеется, не имеет никакого отношения к семье Локхарт".

Дядя Бордерлайн выглядел удивленным и сказал: "Что собирается делать сэр? Он спрашивает", но отказывается отвечать, говоря: "Я не могу рассказать вам подробности".

Дядя Бордерлайн подумал немного и сказал: "Хорошо. Я оставлю это сэру", - признался он.

Я направился в Гленфел вместе с капитаном Брейсфордом. Обе руки были скованы, а упрямый великий муж средних тридцати лет сидел в кресле.

Когда начальник рыцарей представил меня "сэру Захарию", Гленфел на мгновение затуманил свое выражение лица, а затем склонил голову.

"Я не могу выразить вам свою благодарность за то, что вы защитили от нас Его Превосходительство губернатора (...). Ради вашего превосходительства в будущем..."

На поле боя он отдавал приказы диким голосом, Гленфел, но сейчас он говорил со мной каким-то исчезающим голосом.

Я могу как-то представить, о чем он думает.

(Я знаю, что обижаться на меня - ошибка, но многие мои люди погибли по моей вине. Я знаю, что ты ценишь свою защиту губернатора, но, наверное, трудно честно выразить это словами... звучит довольно неубедительно, но именно для этого я пригласил тебя по собственной тревоге. Мне непонятно ваше желание загладить свою вину смертью. Но не в этот раз...)

Я постарался как можно меньше изображать свои эмоции и начал разговор с Гленфелем.

"Я - Захариас, второй сын Масаяса Локхарта. Как вы, возможно, уже слышали, я тот, кто способствовал Его Превосходительству губернатору в этом лечении четвертого батальона..."

Гленфел ничего не отвечает, опустив глаза.

"...

Ваше превосходительство губернатор сообщил мне, что мастер Гленфел желает искупить вину смертью".

Он громко кивает, глядя на меня умоляющими глазами.

"Похоже, вы совершаете ошибку, поэтому позвольте мне объяснить. Прежде всего, эта мера была принята не по милости вашего превосходительства"

"Не из милости? О, я слушаю. Я слышал, что это способ избавить губернатора от затруднительного положения".

Я покачал головой "ношу" и уставился на него так, словно стрелял в его глаза.

"Это тоже есть. Но для тебя это наказание".

Он широко раскрыл глаза и сказал: "Он сказал, что это наказание", - и сделал удивленный

взгляд,

"Говоря о прямых отчетах Его Превосходительства Губернатора, разве это не рождение? Благодарю вас за новую должность..."

Я назвал его слова "Нет!" и блокировал их решительным тоном. Затем с неохотой меняет тон и решительно оспаривает его.

"Благодарю вас, мистер Гленфел. Похоже, вас приняли за кого-то важного. Вы подвергли опасности жизнь своего господина, лорда Бордерлайна, на своей собственной (...) страже! Это еще не все! Ни в чем не виноватый рыцарь, он без всякой причины разбросал жизни своих солдат! Неужели ты думаешь, что сможешь возместить ущерб за жизнь каждого из вас (...), делая все это!

Гленфель ошеломлен моими словами. Потому что сам он понимает, что выглядит так как факт, но что касается меня, то я так не думаю.

"Что тебе следует делать, так это не искупать смертью вину за своих лордов и погибших рыцарей, а жить и искупать..."

И я как-то оборвал слова.

"Я ничего не говорю за тебя. Если вы решите умереть, ваше превосходительство окажется в плохом положении. Если весь мир решит, что вы приказали причинить себе вред, как адъютант барона Гейтскеля, только тогда все это перестанет иметь смысл".

Гленфел вздрагивает плечами, глядя вниз. Тем не менее, я продолжал говорить о своих мыслях.

"... это еще не все. Если мы неправильно ответим здесь, Имперская столица использует это как возможность отдать приказ войскам Северного губернаторства выступить в поход. Тогда еще больше рыцарей, солдат, потеряют свои жизни.

Ты должен жить, чтобы предотвратить это".

Лидер рыцарей выглядит откровенно мерзко, когда я говорю это.

"Я не знаю, как это сказать. Гленфел тоже жертва ловушки. Сэр груб".

Я пристально смотрю на командира рыцарей и переспрашиваю его низким голосом.

"Ну, мы уже рассмотрели, что произошло после того, как господин Гленфель причинил себе вред".

И рыцарь-командор, и Гленфель жаждут ответов на мои вопросы. Я продолжаю произносить слова так, что они складываются еще больше.

"Позвольте мне прояснить ситуацию! Самоповреждение капитана Гленфела - это отказ от ответственности! Я должен быть просто самоудовлетворен!

В этот момент из рыцаря-командора восстает убийца. Я осмеливаюсь проигнорировать его и бунтую еще больше.

"Жить и искупать вину долго и мучительно. Ты, вероятно, будешь подвергнут воздействию

задних пальцев. Если тебе это не нравится, ты можешь причинить себе вред самостоятельно! Но кто тогда будет это делать! Вот что вы думаете!

Командир рыцарей выпускает настоящий дух убийства. Он такого же роста, как и я, но у него отличное тренированное толстое тело, и запугивание, переполняющее все тело, заставляет его даже ощущать физическое давление.

(Если ты простой мечник, ты мало чем отличаешься от меня, но он в два раза меньше, у него почти тридцать лет опыта на поле боя. Я бы не смог даже взглянуть на тебя, если бы ты не был хорошо обучен...)

Я оглянулся на капитана, чувствуя, как холодный пот струится по позвоночнику.

Это Гленфель сменил этот давящий воздух.

"... Мысли сэра Захариаса я очень хорошо понимаю. Моя жизнь, моя честь посвящена Его Превосходительству. В будущем, если за вашу честь мне будет стыдно перед вами..."

Отмахнулся ли он или у него был такой светлый взгляд, что он был солнечным от расстроенного выражения лица?

"... Вы заставили меня говорить тяжелые вещи. Мне жаль."

Капитан рыцарей еще не утолил свой гнев, но похоже, что он прошел детоксикацию после того, как увидел выражение лица Гленфела.

Я отошел от сцены, просто чтобы соблюсти приличия.

На этот раз я осмелился сказать это так, чтобы подтолкнуть собеседника. Потому что я подумал, что если я не скажу этого, то не перестану выбирать смерть как рыцарь. Но я так не думаю, когда говорю, что это не входит в мое сердце.

Принятие ответственности своей смертью кажется чистым, но, если вы спросите меня, это просто отказ от ответственности. Если вы хотите взять на себя ответственность смертью, это не имеет смысла, если только вы не упомянете об этом перед императором и не заставите его признать, что вы берете на себя ответственность за все. Возможно, даже если я укажу на это, это не дойдет до Гленфела, который хочет только умереть.

Одной из целей было еще больше направить симпатию рыцаря-командора. Если Командор рыцарей научится сердиться на меня, то его гнев против Гленфела утихнет. Я покину Уэлберн, но на Гленфела по-прежнему будут смотреть белыми глазами рыцари.

Он направил меч на своего господина и сказал, что потерял многих своих людей, но не только увековечил свою жизнь благодаря щедрому генерал-губернатору, но и получил важную должность, сравнимую с должностью командующего рыцарями.

В то время, если за его спиной окажется глава армии Управления северного губернатора, Первый рыцарь, он должен быть в несколько лучшем положении.

Была и другая цель.

Я чувствовал, что дядя Бордерлайн пытается взять меня к себе. Потому что он думал подставить меня под удар своего правнука Франциска, и он много раз показывал мне, что

прислушается к моему мнению. Более того, многие считают, что в этом восстании я спас жизнь дяде Бордерлайну.

Даже если мне этого не хочется, я могу попасться на крючок. Исходя из этого, я решил ухудшить свои отношения с рыцарями.

Если рыцари плохие по природе "Мы", то им грозит опасность для жизни, если у них плохое сердце, но рыцарям армии северного губернаторства некому выходить на возмущение, пренебрегая приказами губернатора.

Вот почему я задушил Гленфела на глазах у капитана Брейсфорда.

В результате командир рыцарей, должно быть, возненавидел меня. Изначально ко мне, как и к Гленфелу, должны были испытывать сложные чувства, ведь я убил столько своих людей. Если сдвинуть это в слегка негативном направлении, то нет никаких причин для благосклонности ко мне.

Если бы я знал, что у меня есть неприязнь к рыцарям, дядя Бордерлайн тоже не стал бы пытаться взять меня к себе. Потому что если положить на чашу весов поддержку рыцарей и мои способности, то всегда будешь склоняться в сторону рыцарей.

На этот раз я лично отвечал за то, чтобы семья Локхартов не втянула в Бордерлайн дядю, потому что я не стал бы беспокоить родителей и брата, даже если бы гнев рыцарей был направлен на меня.

В тот вечер дядя Бордерлайн жалобно ухмыльнулся.

"Манфред - первый рыцарь Брейсфорда - протестовал против Нона. Этот лоялист пришел, крича на себя".

"Мы приносим извинения за причиненные неудобства", - сказал он, склонив голову с наигранной ухмылкой.

"Еще раз, сэр, не обижайтесь. Теперь мы не можем держать сэра Фрэнсиса в поле зрения... мы с самого начала целились в него?"

Я ничего не ответил, лишь неопределенно усмехнулся.

Дядя Бордерлайн рассмеялся: "Справедливо".

"Гленфел, похоже, разгадал мысли сэра. Это все, за что я должен тебя благодарить".

Дядя Бордер сообщает мне, что название "СС" официально определено.

"Гвардия Уэлберна". Это сделает ее похожей на тезку города. Эсэсовцы говорят, что им нужна добыча. "

Императору Империи, похоже, не нравилось название "СС", которое можно было принять за синоним "Королевской гвардии".

Я забыл о домашних делах и решил погрузиться в подготовку к большому (...) банкету, который устраивала семья Локхарт.

<http://tl.rulate.ru/book/51275/2519322>